

Чужая невеста

Автор:

Ева Никольская

Чужая невеста

Ева Геннадьевна Никольская

Чужая невеста #1

В прошлой жизни я потеряла все, что было дорого и имело смысл. И волей случая оказалась в другом мире и в чужом теле. Вот только проблемы моей предшественницы настолько серьезны, что мои былые неприятности меркнут на их фоне.

И теперь мне предстоит разгадать страшную тайну чужого прошлого, переехать в мрачный дом, расположенный в горах, познакомиться с духами стихий – элементами, стать невестой «монстра» и по-настоящему влюбиться. Но я обязательно справлюсь, ведь судьба не просто так дала возможность начать все заново. Или это не судьба, а игры тех, кто возомнил себя богами?

Ева Никольская

Чужая невеста

Пролог

Я сегодня одна, я иду в никуда... –

стучало в висках музыкой промозглой осени.

Мне не грустно, не холодно, и не беда,

Что на улице ветер, и слякоть, и дождь...

Я одна, меня бьет непривычная дрожь,

От которой кровь стынет, как в луже вода.

И последним аккордом ледяных капель, падающих на лицо:

Я сегодня одна... я иду в никуда...

Никуда, хм... Ну куда-то я все же шла, просто пока не определилась с окончательным пунктом назначения. Под тот автобус, может? Да не, жаль водителя и пассажиров, еще стану причиной чьего-нибудь сердечного приступа. А оно мне не надо. Тогда куда? На крышу ближайшей девятиэтажки? На мост – и в Волхов вниз головой? Куда, черт возьми, податься девушке, чья жизнь закончена?!

А ведь всего неделю назад я чувствовала себя самой счастливой на свете. У меня было все, о чем только можно мечтать: парень, после года совместного проживания наконец сделавший мне предложение, утренняя тошнота, которую я на основании двух заветных полос в тесте на беременность списывала на ранний токсикоз, перспективная работа в новом ресторане и любящий отец, всегда готовый прийти на помощь своей девочке. А потом словно снежный ком сорвался с горы неприятностей. Да какой там ком – лавина!

Инфаркт настиг папу в агентстве, куда он поехал, чтобы заказать лучшую в их списке свадебную церемонию для нас с Гришей. Так и не придя в сознание, мой самый близкий, самый лучший и любимый человек на свете... умер. В ту же ночь я потеряла ребенка. А через два дня в мою палату зашла заведующая отделением со свитой из двух молчаливых докторов. Со скорбным выражением на безликой физиономии она сообщила, что детей у меня больше не будет. Я не запомнила ее лица, непримечательного, бледного, но в мою память навсегда врезались глаза этой женщины, одной фразой подписавшей приговор моим надеждам и мечтам. Она монотонно объясняла мне ситуацию, показывала результаты обследования, снимки, что-то еще... Но я не слушала, молча глядя на

ее блеклые радужки с точками черных зрачков.

Словно горошины перца в чуть подкрашенном желе...

А в душе росла пустота.

Первая часть моего сердца умерла вместе с отцом, вторая – с нерожденным малышом. А третью растоптал Григорий, заявивший, что свадьба не состоится, так как: во-первых, ему нужна нормальная семья с потомством, во-вторых, раз тестя больше нет, то и платить за торжество некому, ну и, в-третьих, не так уж он и уверен был в правильном выборе невесты.

После всего случившегося мое сегодняшнее увольнение с работы показалось сущим пустяком и не задело за живое. Потому что не было этого живого больше, сдохло оно в муках жалости к себе и в какой-то беспробудной тоске по тем, кого больше нет и никогда не будет рядом. Папа... ребенок... жених... да пошло все в Тартар! Хочу под автобус, нет, в реку, нет... в аптеку за убойной дозой снотворного!!!

Стеклянная дверь под неоновой вывеской «Панацея-Н» оказалась совсем рядом с невзрачной железной, на которой витиеватым шрифтом было написано: «Лавка чародея». Стряхнув свежие капли дождя с мокрого рукава, я решительно открыла вторую. Никогда не увлекалась мистикой, считая ныне популярных колдунов шарлатанами, зато всегда была свято уверена, что какой-нибудь ведьминской травкой вполне можно отравиться, а в данном случае даже нужно. За ней, собственно, я и пошла.

Магазинчик оказался небольшим и довольно милым. Стилизованный под старину, с кучей деревянных стеллажей и полок, заставленных какими-то банками-склянками, котелками, шкатулками и прочей чародейской ерундой. За длинным прилавком сидела пожилая женщина в очках и меховой жилетке. На ведьму она походила разве что пустым взглядом, устремленным куда-то мимо меня, и необычным трехпалым носком, который задумчиво вязала.

Кивнув продавщице (или хозяйке?), я принялась осматриваться. Пара странных картин в стиле кубизма на стене, еще несколько составлены стопкой внизу, два кресла-качалки с резными спинками, на которых прикреплены бумажные ценники, большое зеркало на стене в искусно состаренной раме, полка со

стеклянным сосудом, а в нем... круглый глаз с нитями-отростками, словно рыбка в аквариуме плавает. Рядом закрытая банка с надписью: «Сердце девственницы – \$500 за шт.»

Я чуть в одно из кресел не села, ознакомившись с ТАКИМ ассортиментом. Это ж где они девственниц препарировали-то? Или морг ограбили?

– А-а-а, – медленно поворачиваясь к даме в очках, начала я.

– Сердце, – кивнула та, не отвлекаясь от вязания.

– И-и-и... – Дар речи явно буксовал, но любопытство не унималось.

– Девственницы, – ответила женщина, верно истолковав мои нечленораздельные, но очень выразительные звуки.

– Женщины? – недоверчиво приподняв бровь, наконец высказалась я.

Продавщица отложила спицы, сфокусировала на мне взгляд, после чего резонно заметила:

– Какая же она женщина, если девственница?

– Никакая, – согласилась я и невольно сглотнула, так как в горле почему-то пересохло. А вдруг и правда людские сердца воруют?

О цели визита в эту «милую» лавочку было забыто окончательно. Захотелось снова выйти на улицу, под дождь, вдохнуть полной грудью осеннюю прохладу, вспомнить мотив приставучей песни, что вертелась в моей голове уже третьи сутки, а потом пройти по мосту, полюбоваться на реку, сесть в автобус и поехать домой пить вино... без снотворного и ведьминских трав!

– Да свиное оно, – без тени улыбки пояснила собеседница и, сверкнув стеклами круглых очков, вновь принялась вязать носок. Трехпалый, да.

Животинку было жалко, но первый шок прошел, уступив место интересу. Взгляд скользнул по интерьеру, отмечая не менее колоритные надписи на других

товарах: «сушеные крылья летучих мышей», «тертый зуб свиньи», «молотый рог быка», «драконья чешуя»... Где в нашей средней полосе эти чародей-предприниматели умудрились раскопать сказочную рептилию, было любопытно, но не настолько, чтоб покупать сомнительную коробочку за девятьсот девяносто девять баксов.

Вспомнила, что хотела приобрести здесь что-нибудь ядовитое. Еще раз огляделась и решила, что лучше все-таки воспользуюсь классическим снотворным, а еще лучше – и вовсе воздержусь пока. Утро вечера мудренее. Вот выплусь как следует, ибо на работу вставать больше не надо, схожу на могилу к отцу и там решу, что с моей разбитой жизнью дальше делать. Развернулась на каблуках, собираясь направиться к выходу из лавки, но тут же остановилась, уловив боковым зрением странное движение в зеркале. Обернулась и... уставилась на долговязую мокрую «крыску» в сером плаще.

Волосы, потемневшие от дождя, свисали унылыми сосульками вдоль моего скуластого лица, лишённые помады губы обиженно подрагивали, то и дело сжимаясь в капризную линию. Уголки продолговатых глаз казались слегка опущенными, что придавало не самой красивой физиономии совсем уж жалобно-противный вид. Вздохнув, прошептала:

– Лучше б я вообще на этот свет не рождалась, – и боковым зрением засекала слабое шевеление справа.

Резко повернула голову, хлестнув себя мокрыми прядями по щекам, да так и застыла, встретившись взглядом с... с глазом, в общем. С тем самым, который в «аквариуме». Он, точно паук из кошмарного сна, пошевелил своими лапками-отростками и... выполз из банки. Проворно перебрался на стену, оттуда на раму зеркала и начал спускаться на тонкой нити полупрозрачной паутины вдоль стекла. Неотрывно следя за действиями этой странной твари, я невольно опять посмотрела на собственное отражение. Оно менялось! Мои темно-русые волосы средней длины стремительно темнели, а модельный рост под метр восемьдесят пять, наоборот, уменьшался. Но все это было не так странно в сравнении с сереющей кожей и глазами, наливающимися лиловым цветом.

– А это... – растерянно произнесла я, обернувшись к продавщице. Та даже не подняла голову, продолжая шустро орудовать спицами. – Это кто? – спросила громче. – Я?

– Имо? – вопросом на вопрос ответило НЕ МОЕ отражение.

А потом мы обе охнули и... Мир вокруг закружился, отдалился, после чего и вовсе растаял во тьме.

Глава 1

В чужом теле

Странный, немного сладковатый запах, похожий на эфирные масла, неприятно щекотал ноздри. Мышцы затекли, будто я долгое время находилась в неудобной позе, и отчего-то сильно ныло левое ухо. Дернула им, услышала мелодичный звон, дернула снова и... замерла. Нет, я, конечно, понимаю, что у некоторых особо одаренных получается чуть-чуть шевелить своими «локаторами», но чтоб вот так, как я сейчас, – это нонсенс!

Резко открыла глаза, проморгалась, привыкая к неяркому свету огня. Попыталась сменить положение затекшего тела и тут же обнаружила, что вишу над землей, прикованная цепями к каменной стене пещеры. Тихо заскулив, снова зажмурилась. Мой сероватый в отблесках рыжего пламени цвет кожи шокировал меня куда меньше, чем сама ситуация.

Где я, черт побери?!

Поерзав, поняла, что самой мне из плена не выбраться. Было неудобно висеть так, но, к счастью, и не больно. Руки занемели и практически ничего не чувствовали, а вот ухо по-прежнему беспокоило, как и тканевая маска, скрывающая мое лицо. Кожа под ней зудела, особенно чесался кончик носа. И я очень надеялась, что к пьянке! Ибо получать по носу мне не хотелось совершенно. За пеленой нарастающей паники теплилась робкая надежда, что все это – чей-то глупый розыгрыш, попытка вернуть мне любовь к жизни, пусть и таким радикальным способом.

Что ж... я хотела жить. Очень-очень! Причем свободно и счастливо, а не в рабстве у какого-то маньяка-извращенца, который подвешивает свои жертвы к

стене в оборудованной под спальню пещере. Да-да, именно пещере и... именно под спальню, о чем свидетельствовали огромная кровать, застеленная черным покрывалом, ковры на полу, массивный стол у стены, зеркала и факелы, создающие мрачно-интимную атмосферу. На пыточную это помещение походило мало, а вот на укромный уголок любителя БДСМ – очень даже. Стало так страшно, что я невольно заскулила. Тихо-тихо, жалобно-жалобно, как выброшенный на улицу щенок. Эх, поменяться бы с ним местами!

Как только за одной из двух массивных дверей послышались чьи-то тяжелые шаги, я резко замолчала и, приказав себе расслабиться, вновь обвисла на цепях, словно тряпичная кукла. Прежде чем кричать: «Помогите!» – надо было понять, кто именно решил почтить меня своим присутствием. Вдруг это маньяк идет проверить, не очухалась ли его пленница?

«Только бы не закричать, не сбиться с дыхания, не пошевелиться... Спокойствие, главное, спокойствие», – повторяла я мысленно, словно мантру, старательно имитируя потерю сознания. Но левое ухо предательски подрагивало, портя мне игру.

Дверь с мрачным скрипом открылась, пропуская в пещеру темную фигуру. Сквозь опущенные ресницы я внимательно следила за каждым шагом незнакомца. Крупный плечистый мужчина с тяжелой походкой и... с серой кожей. Сердце пропустило удар, душа скользнула в пятки, – существо, приближавшееся ко мне, не было человеком, а вот монстром-маньяком оно могло быть вполне. От страха я толком не могла рассмотреть его лицо, напомилавшее какого-то космического пришельца из фантастического сериала. Или это просто резиновая маска? Может, версия с розыгрышем не так и дурна?

Я мысленно успокаивала себя, пытаюсь унять охватившую меня дрожь и нервный тик проклятого уха. А серокожий тип с предвкушающей ухмылкой на скуластой физиономии неспешно стягивал с плеч темную рубаху. Когда его руки принялись расстегивать ремень на штанах, я чуть снова не заскулила. Похоже, возвращать мне любовь к жизни этот урод намерен с помощью своих гениталий. Или таким мерзким способом он планирует меня этой самой жизни лишить? Не зря говорят, что надо быть осторожней со своими желаниями. Хотела покончить с собой – пожалуйста! Получите, распишитесь. Смерть в логове серого психа через пытки в виде изнасилования.

Хочу жить! Жить хочу-у-у-у!

Мужчина замер и, резко вскинув голову, пристально посмотрел на меня. Ой, мамочки-и-и, неужели я это вслух проныла?! Несколькими широкими шагами он пересек разделявшее нас расстояние и, схватив за подбородок, поднял мое лицо. Изобразить обморок больше не имело смысла, и, испуганно моргая, я уставилась на незнакомца. Причем чем дальше я на него смотрела, тем больше округлялись мои глаза. Если эта морда и была маской, то очень искусной.

А вдруг я правда к инопланетянам попала? И сейчас надо мной опыты будут проводить... угу, сексуальные! Осадив саму себя за глупые мысли, рискнула тихо прошептать:

- Привет.

Но вместо дружелюбного ответа удостоилась хмурой мины, отразившейся на сером лице незнакомца. Огромного остроухого незнакомца... хм. Может, я у дроу в плену? А что? Пещера, цепи, серокожий мужик - чем не фэнтези-экскурсия?

- Имо тахе дир? - Довольно приятный мужской голос вырвал меня из размышлений. В противовес голосу назвать его лицо приятным я бы не смогла. Монстр - он и есть монстр. С роговыми наростами по краям высокого лба, с квадратной челюстью, серыми губами и черными, под цвет глаз, волосами. С каким-то слишком плоским, на мой вкус, носом и подвижными, четко очерченными ноздрями. Ну не чудище ли?

- Я не понимаю... - начала было отвечать ему, но, видя, как он снова хмурится, благоразумно заткнулась.

- Тике аш! - немного подумав, заявил мужик и, прижав меня к стене своим обнаженным торсом, подхватил руками за бедра, вынуждая мои не скованные цепями ноги обвиться вокруг его талии.

От крайне двусмысленной позы меня бросило в жар. Не то чтобы я вот так вот с ходу возбуждалась - жесткий секс никогда мне не нравился, но какая-то острота в происходящем была. И тело вопреки перепуганному разуму, реагировало на ситуацию по-своему. А еще сидеть на полуобнаженном мужчине, прижавшись спиной к стене, и смотреть ему в глаза было куда удобнее, нежели висеть на цепях без какой-либо опоры под ногами. Кто вообще придумал это

издевательство?! Зачем?

– Тике аш? – не сводя пытливого взгляда с моего скрытого под маской лица, повторил серый, но на этот раз его слова звучали как вопрос.

– Тике-что? – чувствуя себя полной дурой, шепотом переспросила я.

Губы его растянулись в довольную улыбку и... потянулись к моему рту. Я оцепенела, пытаюсь сообразить, что такого ему только что сказала, а мужик, видимо, сочтя отсутствие сопротивления за знак согласия, принялся ласкать руками мои плечи, бока, бедра, сминая пальцами тонкую ткань полупрозрачного наряда, сильно смахивающего на ночной пеньюар.

– Не... не надо, не надо, пожалуйста, – шептала я ему в ухо, когда он покрывал поцелуями мою шею. – Не надо, не надо! – умоляла, когда его руки рвали мою одежду, стремясь добраться до тела. – Не надо... Не ве, не ве дан! – прокричала я слова, которые сами всплыли в моей памяти. – Не ве дан, не ве, – повторила чуть тише, когда мужчина отшатнулся.

– Ильва? – как-то шокированно произнес он.

– Таш? – не менее шокированно спросила я и, глотая слезы, повторила: – Не ве дан! – что на его языке означало «прекрати немедленно».

Вот только внезапно открывшееся знание удивило меня куда меньше, чем пришедшее с ним воспоминание из жизни... из чужой жизни, но отчего-то знакомой, словно я когда-то все это видела во сне. В этом воспоминании был мальчишка по имени Таш, с которым мы ходили в лес ловить ящериц, чтобы потом пугать ими наших младших родственников. И та другая я звонко смеялась и кричала ему: «Не ве дан!» – когда он пытался засунуть одну из ящериц мне за шиворот. Ведь это «подарки» не для нас, а для сестер!

Каких еще сестер?! Я единственная дочь своего недавно умершего отца! А он... сын старейшины чуждого мне мира. Проклятье! Нет, это не пришельцы и даже не дроу, это хуже! Ибо про серых человечков со странными роговыми наростами на лбах я раньше вообще не слышала. А вот про мифическую смену тел и чужую память, фрагменты которой остаются в мозгу от прежней личности, читать доводилось. Но чтобы все это происходило со мной? Нереально...

Снимая с цепей, Таш без конца называл меня Ильвой, трогал мои короткие волосы, кривился, мрачно косился на продолжавшее ныть ухо, шептал какие-то успокоительно-извинительные слова и снова повторял: «Ильва, Ильва...» А я молчала, позволяя обращаться с собой, как с безвольной куклой. Потому что просто не знала, что сказать. Чужое тело, обрывки чужой памяти, языка... чужой мир, чужой мужик рядом! И слава всем богам, что сейчас он смотрел на меня как на младшую сестренку, попавшую в неприятности, а не как на объект его сексуальных фантазий. От воспоминаний о недавних ласках меня передернуло. Секс – штука хорошая, но не по принуждению же и не в цепях!

Когда меня усадили на постель и избавили наконец от маски, я с удовольствием почесала нос и даже улыбнулась, ибо дышать без этого намордника сразу стало легче. Затем повернулась к спинке кровати, над которой красовалось огромное зеркало. Не такое четкое, как в моем мире, но вполне сносное для того, чтобы рассмотреть в нем свое отражение. Вернее, не свое, а той самой девушки, которую я видела в «Лавке чародея», прежде чем потеряла сознание.

На монстра серокожая брюнетка походила мало. Вполне себе миловидная, с точеным носиком и красивыми лиловыми глазами. Ее короткие волосы едва доходили до плеч, а на одном из острых ушек красовались три серьги и какой-то темно-красный знак. Руки пока еще плохо действовали после онемения, и все же я потянулась к левой мочке, желая коснуться украшений. Но Таш перехватил мои пальцы и крепко сжал их в своей большой ладони.

– Не надо, – сказал он, отводя взгляд. – Это вивьера, еще совсем свежая. Не трогай.

– Вивьера? – переспросила его, силясь вспомнить значение слова, но порой бывает сложно дозваться до собственной памяти, чего уж говорить про чужую.

– Клеймо шлюхи, Ильва, – едва слышно пробормотал друг детства. Мой друг, раз уж я теперь в этом теле.

Пробормотал и покраснел. Воистину дивное зрелище, когда по светло-серой коже скул разливается грязно-розовый румянец. Я аж залюбовалась, оттого, видать, не сразу сообразила, что клеймо – это не серьга, которую можно снять, и не рисунок, смываемый водой, а порочный символ, выжженный на моей мочке как знак того, что я... я... Думать о том, кто теперь я, помимо того, что серая и

остроухая, не хотелось.

– Как же ты сюда попала, Ильва? – натягивая на меня свою недавно снятую рубаху, спросил Таш. – Почему... почему именно ты?

Хороший вопрос. Кто бы еще знал ответ? Я тяжело вздохнула и развела руками, мол, понятия не имею. Потом немного подумала и, осторожно подбирая слова чужого языка, который, как и воспоминания Ильвы, был доступен мне пока лишь частично, попыталась сообщить ему о временной потере памяти и проблемах с общением. Вышло коряво, но мужчина, судя по утвердительному кивку, меня понял.

Какое-то время мы сидели молча. Я куталась в его просторную рубаху, он задумчиво смотрел на огонь, а тот тихо потрескивал, нарушая наше безмолвие. Не знаю, о чем размышлял в эти мгновения Таш, но у меня голова буквально взрывалась от кучи вопросов, которые я, увы, не могла толком сформулировать. А память прежней личности, так вовремя очнувшаяся минут десять назад, сейчас снова ушла, судя по всему, в глубокую спячку. Видать, эти мысленные терзания так четко отражались на моей кислой физиономии, что мужчина не выдержал и, хлопнув по покрывалу, сказал:

– Тайтрэ.

Ну да, кровать. Я знаю, что она так называется. Вернее, теперь знаю, когда услышала это от него. И тут до меня дошло. Все произнесенные собеседником слова я воспринимала как давно знакомые, но слегка подзабытые. И для того, чтобы снова их вспомнить, мне больше не требовалось копаться в памяти Ильвы. Надо было просто услышать заново этот чуждый для землянки, но привычный для серой лэфы язык.

– Л-л-лэфа-а-а, – протянула, перекатывая пришедшее на ум слово на языке, как сладкий леденец.

– Да-да, ты лэфа, – улыбнулся мне Таш. – А я лэф. Помнишь?

Не помнила, но отчего-то знала. И это радовало.

– А это иситр. – Мужчина представил мне подушку, которую взял в руки и демонстративно взбил.

– Подушка! – благодарно улыбнувшись, кивнула я и, указав жестом на стол, спросила на языке серых: – А это? – Привычные для речевого аппарата слова легко слетали с языка, в то время как глаза продолжали рассматривать интерьер.

Таш назвал интересующий меня предмет мебели. Потом он дал характеристику креслу в углу, двери, плотной шторе, закрывающей второй выход из пещеры, еще чему-то... А я слушала, тихо повторяла за ним и вспоминала то, что когда-то в свою бытность знала Ильва. Когда мы добрались до обсуждения цепей, я попыталась выяснить, зачем они вообще здесь находятся. И была удостоена очередного зрелища под названием «краснеющий серый лэф». А спустя пару минут после моих односложных вопросов Таш сознался, что эта комната – мини-бордель их общины, цепи же – просто инвентарь для любителей развлечений пожестче. Что ж... ролевые игры, как показывает практика, хороши для всех времен и народов. Вот только непонятно, почему в цепи угодила именно я.

– Таш, разве я шлюха? – спросила грустно.

– Нет, – с какой-то злой уверенностью ответил он и... до хруста сжал кулаки.

– А почему тогда я... в цепях... в мини-борделе. – Предложения строились не так легко, как вспоминались слова, но тем не менее меня поняли.

– Это чья-то злая шутка. – Таш снова уставился на факел, не желая смотреть на меня. – Мне сегодня прислали записку из Дома Вивьеры с обещанием особого подарка. И я... я даже не узнал тебя в этой проклятой маске и без косы. Кто обрезал твои волосы, кто притащил тебя сюда, кто... – Мужчина резко замолчал и, поднявшись, протянул мне руку: – Вставай, Ильва. Я идиот, так давно тебя не видел, что совсем растерялся и впал в детство. Прости. – Я только плечами пожала – претензий у меня к нему не было: не изнасиловал, не обидел, языку учить взялся... какие ж тут претензии-то?! – Нам следовало сразу пойти и рассказать все Грэм-рилю, а не играть здесь в «угадай слова». Если тебя похитили... – Женский смех и торопливые шаги за стеной заставили его замолчать и настороженно обернуться, а меня – с любопытством уставиться на дверь, полуприкрытую тяжелой шторой. – А впрочем, повременим, – складывая

на груди руки, процедил мужчина, когда на пороге появились две серые девушки, закутанные в темные плащи. – Вот вас-то мне и надо, драгоценные.

– Секс втроем по двойному тарифу, – деловито заявила одна из девиц, снимая плащ.

– А вчетвером – по тройному, – заметив меня, сидящую на кровати, сказала ее напарница.

На этот раз, судя по ощущению жара, прилившего к моим щекам, грязно-розовым румянцем окружающих радовала я. А все почему? Потому что воображение буйное! Успеваает обрисовывать некоторые перспективы без согласия на то хозяйки, то есть меня. Особенно когда все присутствующие в комнате полуголые. Да-да, у обеих визитерш под плащами оказалось такое же полупрозрачное безобразие, какое было и на мне, когда я очнулась в теле Ильвы. А кроме этого лишь тонкие нити бус, мягкие туфли на ногах... и все! Кашлянув, я прочистила внезапно пересохшее горло и, взяв со стола кубок с каким-то темным напитком, сделала глоток. Наверное, это было вино. Или компот, или... да без разницы! Главное, что дышать мне сразу же стало легче.

А разговор тем временем продолжался. И с каждой секундой он становился все любопытней.

– Как к вам попала эта лэфа? – мрачно поинтересовался Таш.

– К нам? – Одна из девиц подошла ближе и с еще большим интересом уставилась на меня. – Она не из дома Вивьеры, – вынесла вердикт черноволосая жрица любви, на мочке уха которой красовалось клеймо, сильно похожее на мое.

– Точно не наша! – подошла к ней блондинка, в чьем взгляде читалась плохо скрываемая неприязнь. Но к кому? Ко мне, Ташу, еще кому-то? – На старшую дочь старейшины Брэд-риля похожа, – почему-то шепотом проговорила остроухая девушка и, резко сменив тон на требовательно злой, рявкнула: – Никто не смеет пользоваться репутацией заведения и не платить ему долю с дохода! А ну, отвечай, мерзавка, давно под вивьеру подделываешься?!

Я открыла рот, закрыла, потом глубоко вздохнула и выдала:

- Не помню.

- Это как? - озадачилась блондинка.

- Трия, Ильва не шлюха, - укоризненно произнес Таш, тронув ее за руку. Девушка неприязненно отшатнулась и, дернув острым ухом с изображением похожей на лилию вивьеры, непроизвольно обняла себя за плечи. Подсознательный жест защиты? Странно. - Ее подставили.

- Это тебя подставили, мальчишка, - мрачно проговорил незнакомый мужской голос от двери.

Резко обернувшись, я увидела входящих в комнату... монстров. Их было трое, все мужчины. Серые, огромные, с какими-то рублеными чертами хмурых лиц, похожих на грубо вытесанные из дерева маски: с роговыми наростами на лбах, как у Таша, и с более плоскими, чем у людей, носами. Что ни говори, а в отличие от вполне симпатичных женщин внешность мужчин серой расы лэфири оставляла желать лучшего. Или мне просто везло на особо страшные экземпляры? Ведь если верить воспоминанию из детства Ильвы, подростком ее друг был весьма симпатичным и... без всяких бугров на лбу.

С приходом новых действующих лиц моего личного «фэнтези-триллера» в комнате повисла напряженная тишина. Мужчины смотрели на нас, мы на них, а представительницы дома Вивьеры и вовсе устали в пол. Несмотря на характерные черты, назвать эту троицу похожими я бы не рискнула. Темноволосый казался более стройным и подтянутым на фоне своих спутников. Блондин с заплетенными в косы волосами излучал какую-то запредельную уверенность и даже величественность, а рыжий, оставшийся подпирать стену возле двери, походил на огромного расслабленного медведя, готового в любой момент превратиться в опасного хищника.

- Грэм-риль, - прошептал Таш и почтительно склонил голову в приветствии. Риями, как подсказала чужая память, серые называли своих старейшин, предводителей... одним словом, главных. - Мы как раз собирались идти к...

Блондин жестом приказал ему замолчать. Под пристальным взглядом этого лэфа я почувствовала себя неуютно и оттого, наверное, плотнее стиснула ворот мужской рубашки, в которую была закутана, как в платье.

– Ильва, Ильва, – покачала головой серая помесь гремлины с Халком. – Не ожидал.

– Ее опоили и принесли сюда, – попытался вступить за меня Таш, но короткого взмаха властной руки было достаточно, чтобы он замолчал.

– Принесли через пост часового? – нехорошо усмехнулся беловолосый монстр и совсем мрачно добавил: – Не знаю, что за игру ты затеяла, маленькая лэфа, но стравить МОЮ общину с городом я тебе не позволю.

Я сглотнула и поежилась – взгляд льдисто-голубых глаз Грэма замораживал.

– И что? – подал голос темноволосый. – Просто отдадим эту дрянь «парламентерам»? Или, может, накажем по-своему? – Он с преувеличенным интересом начал разглядывать те самые цепи, на которых я очнулась, отчего мне стало совсем жутко.

За что они так со мной, я ведь... не я, в смысле не Ильва, и вообще ни в чем не виноватая. Но как это объяснить, если я сейчас как та собака, которая все понимает, но не говорит? Вернее, говорит, но плохо. И потом... вдруг у них тут переселение душ равносильно одержимости? Нет, нельзя признаваться, пока нельзя. А что тогда делать?

Мысли мои панически метались, руки дрожали, а с языка по-прежнему не слетело ни слова. Схватив уже знакомый кубок, я снова выпила. И, как и в первый раз, мне стало немного легче, отчего закрались подозрения, что напиток не так и прост.

– Не надо ее наказывать, – вступился за меня Таш.

– А что так? Понравилась шлюшка? – зло усмехнулся брюнет. – И как тебе дочь Брэд-риля на...

– Я и пальцем ее не тронул! – возмутился друг, но, смутившись под пытливым взглядом собеседника, тихо признался: – Разве что чуть-чуть, пока не понял, что она не новенькая лэфа из дома Вивьеры.

Притихшие было девицы синхронно хмыкнули. Но на них никто не обратил внимания. Темноволосый презрительно усмехнулся, рыжий опустил голову, а блондин тяжело вздохнул и устало произнес:

– Брэд-риль и Касс-риль явились сюда со своими людьми требовать выдачи девчонки и того... кто ее обесчестил. – Мужчина пристально посмотрел на Таша, но тот даже ухом не повел. – А единственный, с кем она была наедине, и тому есть свидетели, – он одарил тяжелым взглядом двух шлюх, – это ты, Таш, понятно? Итировы кущи! Так кого тут подставили, а?!

От его восклицания я вся сжалась, втянула голову в плечи и, схватив в руки подушку, зачем-то ее обняла. Чувствовать себя в чужом теле было странно, в роли пленницы – страшно, но стать яблоком раздора для серокожих мутантов – и вовсе жуть несусветная. Потому, наверное, я тихо и пробормотала:

– Простите. Я... меня... не помню...

– Она память потеряла от сонного зелья, которым была накачана, – перевел мою жалкую попытку извиниться Таш. – И пострадала не меньше нашего, если не больше, Грэм-риль, – он смело посмотрел в глаза блондину, затем переключил внимание на темноволосого, потом на рыжего и, обращаясь к последнему, добавил: – Йен-ри, учитель, ты ведь знаешь, что я не стал бы лгать. А за Ильву я готов поручиться как за самого себя. Она не такая, ее просто использовали.

«Медведь» покачал головой и, переведя задумчивый взгляд с моего защитника на меня, прижавшись к спинке кровати, сказал:

– А кто поручится за тебя, Таш? – Тихий чуть хриплый голос... И столько горечи в нем было, столько усталости, что я расстроилась еще сильнее.

Неужели все настолько плохо? Ильва, Ильва... во что же ты меня втянула?! А ведь я не вундеркинд, не мастер боевых искусств и даже не психолог, способный правильно оценить ситуацию и действовать в соответствии. Я просто девушка, которая думала, что хуже в жизни быть не может. Ошиблась, признаю! Может, и даже есть.

– Надо возвращаться, пока разъяренные городские всей толпой сюда не явились, – поторопил своих спутников темноволосый, одарив меня совсем не

добрым взглядом. – Они давно ищут повод для нового конфликта.

Блондин качнул головой, соглашаясь, и, не глядя на нас с Ташем, сухо бросил:

– Идемте! Оба! – И, направившись к двери, добавил: – А вы, вивьеры, располагайтесь. Клиенты скоро подтянутся.

Обе полуголые девицы изобразили что-то отдаленно похожее на реверанс и многозначительно переглянулись. Друг помог мне слезть с кровати, и я на дрожащих ногах поплелась за ним. К счастью, руку мою из своей огромной ладони мужчина так и не выпустил, за что я была ему очень признательна.

Каждый шаг босых ног по каменному полу освещенного факелами туннеля давался мне с трудом. Ощущение, будто меня ведут на эшафот, давило на нервы. Напряжение росло, молчание угнетало, а сердце тревожно билось в клетке ребер. И когда рыжеволосый лэф, замыкавший нашу процессию, сказал:

– Подними ее, а то заболит, – я чуть не подпрыгнула от испуга и неожиданности.

На руках Таша, тут же выполнившего приказ Йена, было намного комфортнее. Мужчина излучал силу, уверенность и какую-то слепую убежденность в собственной правоте. Он свято верил, что я ни в чем не виновата, в то время как у меня на сей счет имелась масса сомнений. Кем была эта Ильва, чем жила, чем дышала? Кроме короткого воспоминания из ее прошлого и некоторых знаний, полученных мной на уровне подсознания, я ничего о серокожей девушке не знала. Совсем ничего! Неизвестность пугала.

Решив и дальше настаивать на версии с амнезией, я обняла за шею своего защитника, которого мне не иначе как сама судьба послала в помощь, и поверх его обнаженного плеча украдкой посмотрела на «медведя», которого Таш называл учителем. Размахом плеч и ростом этот мужчина уступал разве что блондину. И если, по моим примерным подсчетам, Грэм был метра два с небольшим хвостиком, то Йен как раз на этот самый «хвостик» от него и отставал. В то время как Таш и темноволосая сволочь, предлагавшая наказать меня за предполагаемую провинность Ильвы, были ниже рыжего где-то на полголовы. И выше меня – на полторы. Девушки из дома Вивьеры, оставшиеся в мини-борделе, тоже, кстати, не отличались крупными размерами. Из чего я

сделала вывод, что либо среди лэфири такая разница габаритов у мужчин и женщин норма, либо... я просто мало еще видела представителей серой расы.

– Любопытно? – прервал поток моих умозаключений Йен, от которого не ускользнул мой повышенный интерес к его персоне. Не став строить из себя дурочку, я едва заметно кивнула. – Вижу, что любопытно, – чуть улыбнулся лэф, продолжая идти позади нас. – А вот страха и брезгливости... не вижу. – Прищурившись, он чуть склонил набок голову, с не меньшим интересом изучая меня. Вернее, верхнюю часть моего лица, торчащую из-за плеча Таша, черноволосую макушку и большие серые уши с нереальной, по людским меркам, подвижностью.

Серьги жалобно звякнули, когда мой левый орган слуха нервно дернулся, привлекая внимание рыжего. Оценив с близкого расстояния свежее клеймо на мочке, мужчина нахмурился и замолчал, о чем-то сосредоточенно думая. А я продолжала сидеть на руках молодого лэфа и наблюдать за его учителем, ибо больше ничего интересного из моего положения разглядеть не удавалось – голые каменные стены с редкими факелами совсем не впечатляли.

Йена называли «ри», что на языке лэфири означало «наставник». Он был старше Таша, но, как мне показалось, не так чтобы намного. Лет десять разницы, может, чуть больше. И это если примерять на серых возрастные рамки людей. Рыжие волосы мужчины, усыпанные, словно инеем, ранней сединой, были стянуты в короткий хвост, из которого выбивались непослушные пряди и падали на лицо. М-да... лицо. Несмотря на то что я уже немного привыкла к странной внешности этих существ, их по-прежнему хотелось называть монстрами. Именно за облик, а не за поступки, ведь ничего плохого они мне пока не сделали. Таш вон даже в защитники записался, а заодно и в носильщики.

Самым близким сравнением для сильной половины лэфири, которое приходило на ум, были орки из экранизации книг Толкиена, но с более человеческими чертами. Девушки же в пещере, как и мое отражение в зеркале, куда больше походили на обычных людей, отличаясь от них лишь цветом кожи и формой ушей. Лэфы были вполне симпатичные, на мой вкус, даже красивые, а вот облик мужчин пугал. Хотя вру! Куда больше меня, привычную к воспеванию монстров на экранах ТВ, пугали непонятная ситуация, в которую я вляпалась, клеймо шлюхи на левом ухе и намеки темноволосого гада на наказание. А монстровидные физиономии лэфири вполне можно было пережить. С лица, как говорится, воды не пить.

Так за собственными размышлениями и игрой в «гляделки» с рыжим я едва не пропустила тот момент, когда, в очередной раз свернув, наша короткая процессия вышла из мрачного тоннеля в не менее мрачный зал. В отличие от предыдущих помещений, все здесь было украшено строгим декором. На ступенчатом возвышении стоял массивный каменный трон, по обе стороны от которого располагались вырубленные в стенах ниши с широкими скамьями. А напротив трона в немом ожидании застыл десяток мрачных лэфири. И, что меня сильно удивило, внешне эти мужчины куда больше походили на людей, нежели на монстров.

Глава 2

В чужом мире

– Пос-с-ставь на пол мою дочь, уродец, – прошипел один из группы человекоподобных лэфири, прожигая ненавидящим взглядом Таша и меня.

– Не перегибай палку, Брэд-риль, – положив ладонь ему на плечо, сказал другой лэф. Он был более пожилым, нежели остальные мужчины. Мысленно я его окрестила – «седой».

Но тот, кто являлся отцом Ильвы, лишь окрысился на своего спутника и, скинув его руку, снова зашипел:

– Это все твой с-с-сынок, Касс-риль, твое жалкое уродливое отродье, я знал, знал, что он не оставит в покое мою девочку, что он...

Громкое покашливание Грэма было достаточно выразительным, чтобы все присутствующие заткнулись и воцарилась напряженная тишина, прерываемая лишь недовольным сопением «папочки».

– Если вы, глубокоуважаемые рили, намерены и дальше выяснять отношения между собой, – с истинно королевской грацией усаживаясь на каменный трон, проговорил блондин, – то сделайте это на СВОЕЙ территории, – с нажимом добавил он и, положив руки на массивные подлокотники, откинулся на жесткую

спинку, которая значительно возвышалась над его головой. Верхнюю часть кресла украшало изображение каменного солнца с довольно свирепой физиономией. На ее фоне лицо Грэма казалось застывшей маской непробиваемого спокойствия.

На пару ступеней ниже встал темноволосый лэф, которого блондин назвал Керрсаем. Сложив руки на груди, он с вызовом уставился на гостей, всем своим видом демонстрируя готовность в любой момент вытолкнуть их вон с территории общины. И, несмотря на численное преимущество визитеров, я почему-то не сомневалась, что «монстры», случись драка, победят.

«Медведь» же, в отличие от сая с рилем, остановился рядом с Ташем, который под пристальным взглядом отца Ильвы осторожно опустил меня на пол. Ступни коснулись холодного камня, и я невольно поежилась. Но проситься обратно на ручки не стала: зачем привлекать к себе лишнее внимание? Куда лучше прикинуться серой мышкой и понаблюдать, чтобы выбрать потом наиболее подходящую модель поведения. Новое тело, новый мир... новые правила!

– Ко мне, мерзавка! – приказал Брэд, нарушая вновь повисшую паузу. Но я словно к месту приросла.

Мне не нравился этот мужчина, причем категорически. На вид ему было лет сорок. Высокий, худощавый, симпатичный даже, но при этом жутко злой. Память его дочери предательски молчала, а инстинкт самосохранения, напротив, трубил во все рога, призывая держаться подальше от разгневанного родителя. Ну и, соответственно, поближе к Ташу – он большой, сильный... защитит. Так я и поступила, чуть отклонившись назад, чтобы почувствовать затылком твердую грудь друга детства. Его ладони легли на мои плечи, это придало уверенности мне и... ярости Брэду, который открыл было рот, чтоб прошипеть очередную гадость, но Грэм снова перебил:

– И долго нам еще ждать, уважаемые лэфири, когда вы наконец изложите суть претензий к общине нордов?

Норды... ну конечно же! Чужая память вновь начала оживать, воскрешая знания Ильвы в моей голове. Именно так называли в этом мире обладателей итировой метки, появление которой приводило к мутациям серых подростков. Только мальчишек! Ни одна девочка пока еще не претерпела подобные внешние

изменения, а вот ребятам везло куда меньше. Причем «подхватить» проклятую метку, словно неизлечимую болезнь, мог любой, независимо от рода и племени. Меченых детей отдавали в общину, возглавляемую Грэм-рилем. Несколько лет назад сюда переселился и сын Касса – Таш.

– Это все твой уродец, Касс-риль! – процедил сквозь зубы отец Ильвы, но ему опять не дали высказаться.

– Извини, Грэм, за столь поздний визит, но, сам понимаешь, похищение дочери одного из старейшин – дело нешуточное, – снова сжав плечо соратника, сказал отец Таша. Вот только сейчас его действие мало напоминало успокаивающий жест, скорее предостережение или даже угрозу. Наверное, именно поэтому «мой» папочка заткнулся. – Брэд поднял на уши полгорода, разыскивая Ильву. И его опасения, – седой лэф хмуро посмотрел на сына, потом на меня, после чего со вздохом произнес, – подтвердились. Как ты мог, Таш? – с горечью спросил он. – Ты же всю жизнь ей сломал!

– Отец, это ошибка, – упрямо вздернув подбородок, возразил мой защитник. – Ильву подставили.

– Ты и подставил! – обвиняюще ткнув в его сторону пальцем, заявил Брэд. – Ты даже клеймо ей выжег, урод. Чтобы, как другие вивьеры, ублажала всю вашу шайку, да?! – продолжал распалиться он. – А ну иди сюда, шлюха! – это уже было сказано мне. – Никакой свадьбы не будет, поняла? Порченный товар младший дан не примет, а ты, Ильва, уже ис-с-спорчена.

– Мы этого точно не знаем, Брэд...

– А что тут знать?! – взвился мужчина, которого едва ли не трясло от ярости. – Он ее обесчестил, изуродовал, обрезав косы, заклеил и превратил в шлюху, чтобы не надумала сбежать. Это же очевидно!

Не стой за моей спиной огромный и страшный Таш вместе с Йеном, Брэд бы наверняка схватил меня за волосы, бросил на пол и выпорол прямо тут, но связываться с двумя нордами, каждый из которых превосходил его физически, злобный папочка боялся, несмотря на мрачно-молчаливую группу поддержки за его спиной. Ну а я боялась возвращаться к ТАКОМУ отцу, потому, наверное, и жалась сильнее к Ташу, ища у него защиты. И, если честно, мне все больше

казалось, что Ильва вполне могла сама сбежать из дома к другу детства. Но зачем тогда снотворное и цепи? Нет, что-то явно не сходилось.

– Чего вы хотите? – поморщившись от чужих воплей, просил Грэм.

– Чтобы вы выдали нам его, – с готовностью сообщил Брэд, указав на Таша, – и ее. Уродца публично высекут и оскоят, а Ильву... – зло прищурился, он посмотрел на меня, – из нее получится отличная посудомойка на моей кухне! Никаких больше подарков, никаких нарядов, никакой с-с-свадьбы с младшим даном! Да что там дан, тебя после такого позора ни один порядочный лэф замуж не возьмет. Ты же меченная Вивьерой. Шлюха, снюхавшаяся с нордами. Ну, ничего... ничего-о-о, маленькая потаскушка, я придумаю тебе достойное наказание, – обрадовал меня «папочка».

Перспектива мне, понятное дело, не понравилась. Ташу, судя по напрягшимся рукам, тоже.

– Во-первых, он не уродец, а норд, – ледяным тоном проговорил беловолосый риль. – Во-вторых, твоя девчонка сама пришла к нам, мой часовой тому свидетель. Силком ее сюда никто не тащил. Следовательно, все, что с ней произошло, – исключительно ее вина. Так что высечь или оскотить можешь собственную дочь, а моего парня ты не получишь, Брэд, – голосом, не терпящим возражений, припечатал он, и я заметила, как благодарно взглянул на него Касс и как возмущенно запыхтела свита. А потом старейшина нордов приказал: – Таш, подойди!

Мужчина пару мгновений колебался, но послушаться Грэма он, видимо, не мог, поэтому покорно направился к главе общины. В то время как я, оставшись без защиты, нагло вцепилась в руку его учителя. Эти монстры меня пугали, да... но «отец» и прочие пугали еще сильнее. Рыжеволосый норд странно посмотрел на меня сверху вниз, но высвободить запястье не стал.

– Йен, передай девчонку ее отцу, и закончим на этом! – скомандовал блондин.

Испуганно оглянувшись, я увидела, что Грэм вцепился в предплечье Таша не хуже, чем я – в его учителя. Вероятно, опасался, что молодой норд все же ринется спасти свою глупую подружку. И, судя по выражению лица мужчины, именно это он и хотел сделать. Вот только у блондина была на редкость крепкая

хватка.

Так, стоп! Это что же получается? Они меня сейчас сдадут жаждущему расправы «папаше», дабы разрешить конфликт? А я? Как же я?! Такая маленькая, серенькая, с клеймом куртизанки на левом ухе... Нет уж, так дело не пойдет!

– Я не хочу возвращаться, – сказала, обращаясь ко всем сразу и ни к кому конкретно. Предложение было простым, и я произнесла его без особого труда. – Можно мне остаться здесь? – А вот этот вопрос адресовался уже Грэму. – Пожалуйста.

– Да как ты-ы-ы-ы... – взвыл Брэд, рванувшись ко мне, но седовласый Касс-риль его удержал.

– Если она хочет, пусть останется. После того что сейчас говорят о ней в городе, этот вариант...

– Это община нордов! – оборвал его побелевший от ярости лэф. – НОРДОВ! Уродов, изгоев, меченых. Да лучше быть дочерью Вивьеры, чем жить с нордами! – Мужчина едва ли не слюной брызгал, высказывая все это. И, судя по мрачным лицам присутствующих, они были с ним полностью согласны. Вот только я все равно не желала уходить. Интуиция подсказывала, что с этими монстрами у меня куда больше шансов выжить, чем с родителями Ильвы.

– Можно? – повторила свой вопрос, с надеждой глядя на Грэма.

Тот задумчиво побарабанил пальцами свободной руки по подлокотнику и, хитро щурясь, сказал:

– Смотря в каком качестве, маленькая лэфа.

– Да не бывать этому! – воскликнул Брэд и, вырвавшись из рук седого риля, ринулся ко мне, но дорогу ему заступил Йен – огромный серый «медведь» с серебристо-рыжим хвостом до середины шеи, на которой, словно гребень, бугрились роговые наросты на позвонках. – Ты не опозориш-ш-шь меня еще больше, чем сейчас, мерзавка, – шипел, сжимая в бессилии кулаки, «папаша». – Я тебе не позволю. Слышишь?

Я слышала. А еще пряталась за широкую спину норда и думала, что теперь уже точно останусь у «монстров». В конце концов, я не абы кто, а талантливый повар. Предложу им свои услуги в столовой, должна же быть в их общине столовая, верно? А значит, должны быть и те, кто там готовит. Ну а если вдруг станут домогаться, выберу кого-нибудь одного в постоянные бойфренды. Даже знаю кого. И все это будет куда лучше, нежели жизнь в доме сумасшедшего родителя, жаждущего отыграться на мне за чью-то злую шутку. Или не шутку, а...

– Хватит, Брэд-риль, – вывел меня из размышлений голос Грэма. – Насколько я знаю, твоей старшей дочери уже исполнилось девятнадцать, а значит, она вправе сама решить свою судьбу.

– Не исполнилось! – победно сверкнув глазами, парировал лэф. – У нее день рождения через неделю, на эту дату и был назначен брачный обряд в замке младшего дана. Теперь же ее никто не возьмет замуж. Никто! – Злости в голосе мужчины было куда больше, нежели сожаления.

– А... Таш? – осторожно спросила я, высунувшись из-за плеча Йена. – Он тоже не возьмет?

– Что-о-о?!

В шоке от моего вопроса был не только «папочка».

– Я возьму! – тут же сориентировался друг детства.

– Я не позволю! – почти одновременно с ним воскликнул Брэд.

– А я организую Ильве охрану до ее совершеннолетия, – сказал Грэм. – И когда оно настанет, девочка сама решит, остаться ей с Ташем здесь или отправиться мыть посуду в твоём доме, Брэд-риль. Пока же Ильва поживет в одной из женских комнат Стортхэма под присмотром моей жены. Обещаю лично позаботиться о твоей дочери. Надеюсь, мое слово не требует подтверждений? – Мужчина выглядел на удивление довольным. – Потому что если требует... – Он протянул руку и раскрыл ладонь. А над ней прямо из воздуха начало формироваться маленькое серебристое солнышко с очень «подвижной» мимикой на полупрозрачной физиономии. Я замороженно следила за рождением этого

чуда, все же остальные молча смотрели на главу общины нордов. – Ну, как вам мое решение, рили? – осведомился у городских старейшин блондин, а его призрачное «солнышко» скорчило угрожающую рожицу и ощетинилось колючими «лучиками».

– Мы согласны, – с явным облегчением в голосе произнес отец Таша.

– Вовсе нет... – Брэд замолк под одинаково тяжелыми взглядами Грэма и его странной «игрушки», но ненадолго. – Хорошо, – нехотя сдался «папаша», подарив мне испепеляющий взгляд. – Пусть принимает решение сама. Но до совершеннолетия она обязана жить дома.

– Придется сделать исключение, – выпуская из ладони огненное «солнце», вступил в разговор Йен-ри. – Ситуация сложилась крайне неприятная как для Миригора, так и для Стортхэма. А портить отношения между нашими поселениями невыгодно ни вам, ни нам. Поэтому, чтобы узнать правду и уладить конфликт, предлагаю на неделю оставить Ильву на нейтральной территории. То есть в обители Римхольта под присмотром монахинь и под охраной нордов, которые обеспечат девушке защиту и неприкосновенность, пока будет проводиться расследование...

– Расследование? Ха! Вы подтасуете результат, чтобы обелить своего урод... ах, простите, норда! – пряча под злым сарказмом жгучую ненависть, заявил Брэд.

– Оставьте кого-нибудь из своих доверенных лэфири в качестве наблюдателя, а лучше для помощи нам, и тогда беспокоиться о ложных результатах не придется, – пожал плечами «медведь».

И говорил он все это так твердо, спокойно, размеренно, что я невольно зауважала рыжего. Остальные, судя по взглядам, тоже считались с его мнением. Грэм согласно кивнул, поигрывая серебристым «шариком» на руке. Керр-сай скептически хмыкнул, но промолчал. Таш же расплылся в счастливой улыбке, которая на его жутковатом лице смотрелась странно.

– Отлично! Так и поступим, – начал суетиться Касс. – Я сам договорюсь с рильей Рассветного храма, чтобы она приютила Ильву и позволила двоим нордам охранять ее. Дир, останешься здесь, будешь помогать в расследовании. – Он отдал распоряжение одному из свиты и кивнул Йену, будто говоря «спасибо».

Затем посмотрел на меня, по-прежнему стоящую рядом с рыжим, и... подмигнул.

Вот если бы этот седовласый мужчина был отцом Ильвы, а не психованный Брэд, я бы, не задумываясь, ушла с ним в город. А так, судя по всему, придется отправляться в местный монастырь. Ну, может, оно и к лучшему. Тем более если пребывание там продлится всего неделю. За это время я уж точно разберусь, кто здесь кто, и придумаю, как мне выкрутиться из неприятностей.

В обители Римхольта...

Я сидела в удивительно светлой келье местного монастыря и задумчиво изучала собственное отражение в небольшом круглом зеркале на кованой ножке. В обитель Римхольта, который был для серых лэфири кем-то вроде Ра – верховного египетского божества, чье имя означало «солнце», меня заселили ранним утром. Местный небожитель тоже ассоциировался у населения с дневным светилом. Потому и храмы, построенные в его честь, назывались рассветными и закатными. И если при вторых частенько строились мужские монастыри, то при первых – исключительно женские. Именно в такое место меня и привезли два незнакомых норда и тот самый Дир, которого Касс-риль оставил в общине «монстров».

Улучив момент, когда охранники были заняты проверкой кельи, лэф из отцовской свиты схватил меня за плечи, как следует встряхнул и, пылливо вглядываясь в лицо, зашептал:

– Чем они тебя накачали, Ильва? Пиот или гелян? Что ты пила, вспоминай!

– Не помню, – упрямо повторила я то, что говорила им всем последние несколько часов, и, раздраженно дернув ухом, попыталась высвободиться из крепкой хватки молодого мужчины.

– Должно быть какое-то зелье, – хмуря темные брови, продолжал настаивать он. – Ты сама на себя не похожа. Дерзкая, глупая, упрямая. Это не ты, Ильва. Где та послушная робкая девочка, почитающая свой род и отца? Где? – Лэф снова меня тряхнул, продолжая отчитывать: – Ты ведешь себя как... как... как шлюха, Ильва! И клеймо вивьеры тут ни при чем. Это недопустимо. Ты позоришь Брэд-риля. Хотя, казалось бы, куда уж больше! Тебя словно подменили, – досадливо

процедил он. – Даже если ты не помнишь последние события своей жизни, то вести себя так с отцом...

– Отпусти ее, – сказал мрачный норд, появившийся в дверном проеме комнаты, рядом с которой мы стояли.

– А если нет? – взъярился Дир, который полностью разделял неприязнь Брэд-риля к меченым.

Гора мускулов, которая представилась мне как Люль, демонстративно начала разминать пальцы, выразительно поглядывая на шею вредного лэфа. Видимо, испугавшись получить люлей от норда с таким «говорящим» именем, отцовский прихвостень отступил и поднял в примирительном жесте руки. Больше меня наедине с Диром охранники не оставляли. Зато без лишних вопросов оставили наедине с зеркалом в запертой на ключ келье, которая состояла не только из спальни, но и из маленькой уборной за узкой дверью. Ну просто-таки гостиничный номер с околосредневековыми удобствами! Хотя скорее уж тюремная камера, в которой мне предстояло дожидаться совершеннолетия. А потом либо замуж, либо к отцу, либо... не знаю!

На столе по левую руку от меня уютился поднос с недоеденным завтраком, который принесла некоторое время назад молчаливая монахиня в белом балахоне и полупрозрачной накидке на голове, сильно напоминавшей паранджу. Справа лежала стопка книг, призванных скрасить мой досуг. Но так как все они были исключительно на религиозную тему, я предпочла изучение своего нового тела знакомству с местной письменностью.

Тронув кончиком указательного пальца клеймо, обработанное обезболивающей мазью, грустно спросила у собственного отражения:

– Что же с тобой случилось, девочка?

Память моей предшественницы, благодаря которой я постепенно «вспоминала» то, как устроен мир лэфири, категорически отказывалась делиться прошлым Ильвы. И я, если честно, не знала: хорошо это или плохо? Судя по истерично-деспотичному папаше, моим обрезанным волосам, символу вивьеры и словам Диры, жизнь у девчонки, уступившей мне свое тело, была не сахар. Ну, ничего, теперь Ильва – это я, а значит, пусть идет лесом Брэд-риль вместе со своими

подпевалами! Лучше буду со страшным, но вменяемым Ташем жить в его пещере, чем терпеть к себе такое отношение.

Я чуть улыбнулась собственным мыслям, прекрасно понимая, почему эту новость так негативно восприняли все, кроме нордов и Касса, который, как мне показалось, по-прежнему любит своего сына и желает ему только добра. Все дело в том, что меченых лэфири не любили. Более того, их сторонились, опасались и презирали настолько, что стать женой норда для лэфы считалось участью куда более позорной, нежели посвятить себя ремеслу вивьеры. Прежняя Ильва никогда бы не отважилась на подобную выходку, я же смотрела на ситуацию глазами землянки, лишенной местных предрассудков.

Естественно, пороть горячку не хотелось. Кто знает, вдруг подвернется вариант получше, чем брак по расчету с изгоем, участь шлюхи в публичном доме или судьба посудомойки при самодуре отце? Но пока жизнь с Ташем казалась мне наиболее простым и удачным решением. Пусть далеко не красавец, но к внешности ведь привыкаешь. Зато по характеру он защитник, который сейчас мне так необходим. А то, что платить придется исполнением супружеского долга, так ведь не под принуждением же! Значит, не так и страшно.

Правда, при подобном раскладе я окончательно уничтожу репутацию Ильвы и тоже стану изгоем, но это меня тревожило меньше всего. При наличии клейма шлюхи репутации и так хана. А уж запятнать «доброе» имя Брэда – прямо лапки чесались! Чую, довел он дочку до отчаяния. А может, и до самоубийства. Ведь не зря я получила именно ее тело – живой сосуд, лишенный души. Хотя в том, что Ильва сама остригла косы, которые в этом мире считаются главным сокровищем любой порядочной лэфы, я сомневалась. Запуганная, подавленная... она бы никогда не осмелилась на подобный поступок. Да и клеймо получить как-то надо было умудриться. Ведь на каждом шагу их не ставят. А туда, где ставят, уже отправились Йен-ри с Ташем и еще одним лэфири, присланным Касс-рилем, дабы выяснить сообща, что же произошло на самом деле.

Норды мне нравились, хоть и вызывали вполне обоснованную настороженность. Память Ильвы нашептывала, что они чудовища, уроды, сверхсущества, способные контактировать с природными духами – элементами. Что прежние мальчишки, на телах которых появлялась зловещая метка, теряли не только семью и прежний облик, но и собственную душу, превращаясь в чудовищ. Вот только «чудовище» по имени Таш отнеслось ко мне по-человечески, в то время как «нечудовище» Брэд-риль – по-свински.

К тому же, как рассказали приставленные ко мне норды, из которых я потихоньку тянула информацию, ссылаясь на потерю памяти, обитатели Стортхэма в последние годы все больше сотрудничали с городскими. Потому что в силу своих мутаций и регулярных тренировок меченые являлись хорошими наемниками, способными выполнить практически любое задание, и надежными телохранителями. А еще они были богаты. Ибо спускаться в горные подземелья за красными кристаллами, которые очень ценились в мире серых, кроме них мало кто отваживался.

Благодаря сбыту этих кристаллов, выгодным контрактам и способностям элементарей, которые служили только измененным, община нордов уже лет двадцать как приобрела финансовую независимость. А богатые, как известно, могут позволить себе многое: хорошие вещи, вкусную еду и повышенное внимание вивьер. Но от этого неприязнь городских жителей лишь усиливалась, хоть и стала более завуалированной.

У некоторых меченых были и постоянные любовницы – аманты, они жили в Стортхэме и выходили оттуда лишь в сопровождении своих мужчин, потому что в присутствии мрачных нордов мало кто осмеливался высказывать этим женщинам свое негативное отношение. А вот официально жениться в храме из сорока двух «монстров» умудрились только трое: их предводитель Грэм и еще два парня, подруги которых настолько любили своих избранников, что полностью отказались ради них от своей прошлой жизни, родни... от всего. Так что если я все же выйду замуж за Таша, первопроходцем в этом деле мне, слава богу, не быть. Да и возможность подружиться с «сестрами по счастью-несчастью» тоже весьма привлекательна.

Довольная сделанными выводами, я подмигнула собственному отражению. Вообще, привыкнуть к тому, что вот эта молоденькая девчонка с острыми ушками и пепельным цветом кожи – теперь я, было все еще сложно. Одно дело – двигаться и общаться, находясь в чужом теле, воспринимаемом как собственное. И совсем другое – любоваться своим новым обликом в зеркале. А я ведь именно любовалась, рассматривая себя, словно куклу в стеклянной витрине. Дико это, как есть говорю – дико! Когда вместо привычной скуластой физиономии с «азиатским» разрезом глаз на тебя смотрит треугольное личико с миндалевидными очами нереально лилового цвета.

Ильва была симпатичной как по меркам своего мира, так и на мой человеческий вкус. Тонкий, чуть вздернутый носик, полные губы, густые черные волосы до плеч, изящная шея и фигурка с приятными округлостями в нужных местах, которых не было у прежней меня. Зато по росту серое тело значительно уступало моему прошлому. А учитывая габариты потенциального жениха, я бы предпочла быть головы на полторы повыше, нежели сейчас.

Но, как верно говорят, дареному коню в зубы не смотрят. Мне и так крупно повезло с новой личностью. Могла ведь и в тело старухи какой-нибудь вселиться или вообще в мужика. А так... девица-красавица с деспотичными родственниками, странными друзьями детства и с кучей тайн за спиной. Скучно точно не будет, угу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.me/ru/eva-nikolskaya/chuzhaya-nevesta-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)